

В глубоких глазах Шэнь Циханя плескались тревога и страх. Сердце точно сжала невидимая рука — стиснула так, что перехватило дыхание.

Опомнившись, он осторожно отвёл мокрую чёлку со лба юноши. Ладонь тут же ощутила обжигающий жар. Этот сухой, лихорадочный зной словно опалил его собственную кожу. Опустив руку, Шэнь Цихань крепко сжал кулак и на мгновение оцепенел, глядя на Линь Цзичу — такого незащитного сейчас, хрупкого, точно стеклянная игрушка.

В тот миг, когда Линь Цзичу терял сознание, Шэнь Циханю показалось, будто перед ним беззвучно опустилась бабочка с перебитыми крыльями.

Времени на раздумья не оставалось. Шэнь Цихань подхватил юношу под колени и спину и бережно перенёс его в комнату, уложив на постель.

Тонкая рука Линь Цзичу безвольно свисала и слабо покачивалась в такт торопливым шагам Шэнь Циханя, пока наконец не опустилась на матрас. Но юноша так и не пришёл в себя, оставаясь в тяжёлом забытии.

Шэнь Цихань быстро стянул с него домашние туфли, укрыл одеялом и тут же бросился искать контакты дежурного врача съёмочной группы.

Врач состоял в их общем чате. Шэнь Цихань мгновенно отправил запрос в друзья и, как только тот принял его, коротко написал: «Срочно в 815-й. У Линь Цзичу сильный жар».

К счастью, доктор держал телефон под рукой и подтвердил запрос меньше чем через полминуты. Ответ пришёл мгновенно: поняв, в чём дело, врач схватил медицинский чемоданчик и поспешил к ним.

Помощь подоспела быстро. К этому моменту Шэнь Цихань уже успел положить на лоб больного влажное холодное полотенце. Взъерошенная тёмная чёлка забавно топорщилась из-под ткани, отчего Линь Цзичу казался совсем по-детски трогательным.

Шэнь Цихань стоял рядом, затаив дыхание и не сводя глаз с лица Линь Цзичу. От волнения пересохло в горле, он то и дело облизывал сухие губы, боясь пропустить хоть малейшее движение врача.

Доктор убрал полотенце на прикроватную тумбочку и наклеил на лоб больного прохладный голубой пластырь. Затем он протянул Шэнь Циханю блистер с таблетками:

— Как придёт в себя, дайте ему две штуки.

— Да, хорошо, — кивнул Шэнь Цихань, крепко зажимая блистер в кулаке.

— И пусть пьёт побольше тёплой воды, чтобы пропотеть, — добавил врач.

— Понял, спасибо. — Шэнь Цихань закивал и пошёл провожать доктора к выходу.

Заперев дверь, он вернулся к постели. Линь Цзичу лежал неподвижно, разметавшись по подушке; на щеках горел нездоровый румянец. Сердце Шэнь Циханя вновь заняло от глухой тоски.

У входа на тумбочке стоял небольшой термос. Шэнь Цихань приподнял его — внутри плескался кипяток, приготовленный Линь Цзичу ещё до того, как его свалил недуг. Он налил воду в стакан и коснулся пальцами стекла. Вода была горячей, но не обжигающей — как раз такой, чтобы не пришлось студить её слишком долго. Не пришлось ни шуметь чайником, ни ждать, пока закипит новая порция.

Пока вода остывала, Шэнь Цихань склонился над кроватью и негромко позвал юношу по имени. Тот не отозвался.

Шэнь Цихань засомневался, сможет ли больной проглотить лекарство в таком состоянии, и позвал чуть громче:

— Линь Цзичу, проснись. Нужно выпить лекарство.

— Линь Цзичу...

— Чу-Чу...

Душа его была натянута как струна. Глядя на бледное, осунувшееся лицо, он упрямо, раз за разом повторял эти слова, силясь пробиться сквозь его тяжёлый сон.

Зоя его, Шэнь Цихань сам не заметил, как впал в какое-то странное оцепенение, и он сам, безвольно, выдохнул детское прозвище. Сердце обливалось кровью. Линь Цзичу и раньше случалось хворать, но никогда ещё его слабость не ранила Шэнь Циханя так глубоко. И он понимал: к этой острой жалости примешивалось удушающее чувство вины.

Как жил Чу-Чу все эти два года в полном одиночестве? Справлялся ли? Кто ухаживал за ним, когда он болел или ранил себя? Шэнь Цихань ничего этого не знал. За прошедшие годы он не провёл рядом ни единого дня. Что бы ни случилось в жизни Линь Цзичу — всё проходило мимо него.

Формально он оставался его бывшим мужем, на деле же — превратился в абсолютно чужого человека, случайного прохожего.

— Чу-Чу, надо выпить лекарство, слышишь? Выпьешь — и всё пройдёт, станет легче...

Он баюкал его словами, словно маленького, сам не замечая, как в голосе задрожали слёзы. В носу немилосердно защипало, глаза застлали слёзы, но он продолжал упрямо шептать:

— Чу-Чу...

В полумраке запертой комнаты его тихий голос звучал бесконечно долго. С каждым разом он становился всё глуше, всё тише. Шэнь Цихань походил на раненого зверя, который забился в нору и тихо скулил, не желая выдавать свою слабость. К концу его шёпот едва ли расслышал бы даже здоровый человек, не говоря уже о мечущемся в бреду Линь Цзичу.

И всё же случилось чудо: веки Линь Цзичу дрогнули, и он медленно приоткрыл глаза. То ли сквозь пелену болезни до него долетел этот отчаянный зов, то ли просто пришло время прийти в себя.

— Очнулся? — Шэнь Цихань тут же заметил это слабое движение. — Давай, выпей таблетки.

— М-м...

Голос Шэнь Циханя доносился словно из-под толщи воды — глухой и незнакомый. Линь Цзичу не понимал, бредит он или это происходит наяву. Превозмогая свинцовую тяжесть в веках, он попытался сфокусировать взгляд, но перед глазами расплывался лишь смутный силуэт.

Он разомкнул сухие губы, силясь заговорить, но вырвался лишь тихий стон. Тело горело, будто его заживо поджаривали на углях, а голову раскалывало от невыносимой боли. Мысли путались. Откуда здесь взялся Шэнь Цихань? И как он сам оказался в постели?

Память сохранила лишь обрывок: стук в дверь, его мучительная попытка поползти до замка... и пустота. Стоило попытаться вспомнить, что было дальше, как виски пронзала острая, пульсирующая боль.

— Молчи, не трать силы. Сначала выпей лекарство.

Заметив, как болезненно сморщился Линь Цзичу, Шэнь Цихань бережно приподнял его за плечи, придерживая ладонью затылок. Он вложил таблетки ему в рот и поднёс к сухим губам стакан с приятно тёплой водой.

У Линь Цзичу не осталось сил спорить или расспрашивать. Словно безвольная кукла, он послушно глотал воду, принимая лекарство из чужих рук. С трудом пропихнув таблетки в пересохшее горло, он уловил тихий вопрос Шэнь Циханя: «Проглотил?» — и едва заметно кивнул. Сильные руки мягко опустили его обратно, и голова вновь погрузилась в мягкую прохладу подушки.

— Спи... Закрой глаза. Проснёшься — и всё пройдёт.

Линь Цзичу расслышал лишь невнятный шёпот. Слоги распадались, не желая складываться во фразы, сознание отказывалось работать, так что смысл этих ласковых слов остался для него скрыт.

Казалось, весь мир вокруг рушится и падает на него неподъёмной плитой. Веки отяжелели. Линь Цзичу пытался бороться, но эта битва была проиграна заранее — измученное болезнью тело сдалось, и он мгновенно провалился в глухую, спасительную тьму.

Шэнь Цихань молча смотрел, как Линь Цзичу медленно закрывает свои чистые, миндалевидные глаза. Голова Линь Цзичу бессильно склонилась набок, к его руке, и дыхание выровнялось.

Теперь, когда больной уснул спокойным, целебным сном, Шэнь Цихань почувствовал, как спазм перехватил его собственное горло. Воздух в лёгкие проходил с трудом, словно ком стоял в груди.

Он простоял у постели без движения минут десять, словно окаменев.

Всю эту ночь он провёл у постели Линь Цзичу. Шэнь Цихань не сомкнул глаз ни на минуту, карауля каждый вздох больного из глубокого кресла у кровати.

Мягкий, золотистый свет ночника разгонял мрак до самого утра. За окном бушевала гроза: порывы ветра с силой швыряли дождевые капли в стёкла, отчего рамы жалобно дребезжали. Этот непрекращающийся гул утомлял, но Шэнь Циханя беспокоило лишь одно — не потревожит ли буря сон Линь Цзичу.

К счастью, юноша спал крепко и спокойно. Буйство стихии не коснулось его, и ночь прошла без происшествий.

Линь Цзичу очнулся около восьми утра. За окном всё так же монотонно шумел непрекращающийся ливень — ненастье, бушевавшее всю ночь, даже не думало утихать.

Едва разомкнув отяжелевшие веки, он увидел серые утренние сумерки, разбавленные тёплым отсветом ночника.

Лихорадка отступила, но тело всё ещё ныло, отзываясь свербящей ломотой в суставах, будто под кожу вонзились сотни мелких иголок.

Снаружи доносился приглушённый стёклами шум дождя, но вникать в него не хотелось.

Полежав немного без движения и дождавшись, пока суставы вернут прежнюю гибкость, Линь Цзичу скользнул взглядом вправо — и обомлел.

Прямо у края постели, уронив голову на сложенные руки, спал Шэнь Цихань. Он дышал ровно и глубоко, совершенно не заметив, что его подопечный пришёл в себя.

Линь Цзичу хотел было пошевелить пальцами, но осёкся, почувствовав мягкое тепло. Взгляд его опустился вниз: его ладонь бережно и крепко сжимали чужие пальцы.

<http://bllate.org/book/18328/1865574>